

ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США: ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В данной статье анализируется цифровая дипломатия США, рассматривается роль и значение цифровой дипломатии США при использовании цифровых медиа в проведении своей внешней политики. Новые коммуникационные технологии активно применяются дипломатической службой США с целью разработки и реализации внешнеполитической стратегии и расширения влияния на общественное мнение. Автор утверждает, что цифровой дипломатии как инструмент «мягкой силы» США в отношении ряда регионов достигает ряд целей, однако цифровая среда в целом бросает вызов усилиям по сохранению своего лидирующего положения США.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, информационные и телекоммуникационные технологии, внешняя политика, информационное общество, США.

Khlopov O.A. , Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of American Studies
FSBEI HE "Russian State University for the Humanities",
Moscow, Russia;

DIGITAL DIPLOMACY IN US FOREIGN POLICY: POTENTIAL AND BOUNDS

Abstract. This article analyzes US digital diplomacy, examines the role and importance of US digital diplomacy while using digital media in conducting their foreign policy. The new communication technologies are actively used by the US diplomatic service to develop and implement a foreign policy strategy and expand their influence on public opinion. The author argues that digital diplomacy as an instrument of US "soft power" in relation to a number of regions achieves a number of goals, but the digital environment is a challenge to maintain for United States leading positions in the world.

Key words: digital diplomacy, information and telecommunication technologies, foreign policy, information society, USA.

Цифровые технологии XXI века потенциально меняют практику дипломатии. Социальные сети такие как «Twitter» и «Facebook» превратились за короткий срок в новые инструменты для достижения государственных целей и ведения дипломатической деятельности государств. Цифровые и социальные сети обеспечивают беспрецедентный глобальный охват и потенциал для дипломатических инноваций. Соединенные Штаты стали одной из первых стран, осознавших важность Интернета для продвижения национальных интересов за рубежом. Государственный департамент США является ведущим в мире пользователем цифровой дипломатии.

В годы работы администрации Б. Обамы Соединенные Штаты расширили использование социальных сетей для осуществления дипломатии в киберпространстве. Государственный департамент быстро осознал

потенциал новых цифровых инструментов, а технологии социальных сетей стали все больше неотделимы от стратегических формулировок внешней политики США, ее методов и целей [1]. Использование Twitter имело центральное значение для повседневной деятельности президента Д. Трампа из-за его огромного потенциала и влияния. Распространение спонсируемых правительством тактик социальных сетей способствовало появлению цифровой дипломатии. Соединенные Штаты имеют долгую историю использования новых технологий в качестве механизма публичной дипломатии.

По мнению политологов, одним из самых заметных нововведений во внешней политике США в первый срок Барака Обамы стало появление цифровой дипломатии. С тех пор США, с их инициативой государственного управления XXI века, стали ведущим в мире пользователем цифровой дипломатии, что позволило повысить дипломатическую эффективность и прозрачность, расширить возможности для иностранного обмена, контактов, взаимодействия и влияния. Цифровая дипломатия стала новым направлением исследований в сфере массовых коммуникаций, изучения мира и конфликтов, политологии и международных отношений [2]. Именно такая дипломатия становится все более распространенной в международных делах. Рост этой новой дипломатической тенденции основан на появлении технологий Web 2.0, таких как социальные сети, которые облегчают и зависят от активного участия отдельных лиц [3]. Некоторые исследователи описывают цифровую дипломатию как растущее использование Интернета и новых информационных и коммуникационных технологий для выполнения дипломатических задач [4].

Администрация США сделала цифровую дипломатию ключевым элементом осуществления дипломатической деятельности. С тех пор как это стало внешнеполитической стратегией, администрация США сделала все возможное, чтобы общаться с общественным мнением и объяснять свою политику на международной арене.

Объем исследований о цифровой дипломатии в настоящее время характеризуется обилием статей, включая эмпирические исследования, направленные на изучение ее текущей практики [5]. Несмотря на растущий интерес к цифровой дипломатии, на сегодняшний день лишь немногие исследования оценивают, в какой степени Соединенные Штаты смогли реализовать свой потенциал в регионе Ближнего Востока.

В этой статье делается попытка заполнить пробел в изучении цифровой дипломатии путем изучения модели цифровой дипломатии, используемой Соединенными Штатами во внешней политике в отношении региона Ближнего Востока. Отныне Соединенные Штаты прибегают к помощи министерств иностранных дел на всех уровнях правительства, иностранных представительств, дипломатов и неправительственных организаций для работы на основных сайтах социальных сетей в различных странах мира.

Мобильные технологии, возможности краудсорсинга, свобода Интернета, обмен текстовыми сообщениями, картографическое программное обеспечение, технические лагеря и многое другое теперь используются Государственным департаментом США для распространения своего дипломатического влияния на мужчин и женщин, которые в противном случае были бы исключены из правительственной жизни. Госдеп использует эти инструменты, чтобы сделать дипломатическую машину более эффективной и лучше приспособленной для реагирования на новые вызовы, понимания мира, обмена знаниями и развития новых идей.

Подъем цифровой дипломатии нельзя отделить от технологического контекста, в котором она развивалась. Социальные сети стали восприниматься более серьезно после событий «арабской весны» в 2011 г. и последовавших за ними политических беспорядков, когда молодые активисты использовали социальные сети для распространения диссидентских дискурсов, формирования нарративов и прямой трансляции революций по всему миру [6].

Распространение коммуникационных и информационных технологий не только позволило трансформировать средства социального протеста, но и указало на зарождающуюся революцию в дипломатии. В мире, где все становятся все более связанными, возможность собирать информацию и делиться ею с широкой аудиторией с беспрецедентной скоростью создала новые возможности для политических лидеров и государственных ведомств обмениваться сообщениями и определять политические программы за пределами традиционных каналов [7]. В этой среде нетворкинг как вид деятельности становится основой дипломатической практики [8].

Если публичная дипломатия стала эффективным инструментом воздействия на правительство Соединенных Штатов, то использование новых медиа в американской публичной дипломатии стало обычной практикой. Таким образом, цифровая дипломатия, которая относится в основном к использованию социальных сетей в дипломатических целях, возникла заново, адаптируясь к ситуациям и условиям мировой системы. Государственный департамент прошел процесс цифровизации, в ходе которого в течение десяти лет внедрялись новые подходы, методы и определения публичной дипломатии [9].

Государственный департамент Соединенных Штатов называют авангардом цифровой дипломатии, который называет его «государственным искусством XXI века». Сегодня цифровая дипломатия отражает стремление правительства США использовать свое технологическое преимущество и отвечает на взрывной рост числа подписчиков в Интернете. Новые методы дипломатической работы апробируются Соединенными Штатами по всему миру, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Благодаря инновациям и новым идеям технологии позволили правительству США по-новому взглянуть на регион, который стал приоритетом американской цифровой дипломатии.

Правительство США вкладывает усилия и огромные суммы денег в информирование о внешней политике США посредством прямого

взаимодействия с аудиторией на цифровых платформах. Например, ежегодный отчет Консультативной комиссии США по общественной дипломатии показывает, что более \$680 тыс. было потрачено на привлечение цифровой аудитории через социальные сети в 2015 г. [10]. Блоги и социальные сети), одни из крупнейших в федеральном правительстве, имеют в общей сложности почти 9 миллионов подписчиков.

Использование технологий в дипломатии не является особенно новой темой. Но достижения в области социальных сетей и события, произошедшие в начале XXI века, обострили потребность в использовании коммуникационных технологий для продвижения национальных интересов Соединенных Штатов в различных регионах мира. Террористические атаки 11 сентября 2001 г. стали катализатором восприятия Соединенными Штатами своей безопасности и их отношений с арабским миром.

Террористическая угроза всегда была на первом месте в политике безопасности США. Эта угроза, рассматриваемая как направленная против американских интересов в регионе, вызвала обеспокоенность в Вашингтоне. Многократное исключение молодых людей в сочетании с настойчивым требованием режима блокировать все возможности участия грозит радикализацией их активности. Важность противодействия этому стала оценена 2008 г., в которой говорилось, что Интернет является ответственным за 80% вербовки молодежи в группы джихада [11].

В попытке бороться с использованием Интернета для вербовки молодежи в джихадистские движения и помешать террористическим группам, таким как «Аль-Каида», получить онлайн-поддержку, Государственный департамент США обратился к Интернету, понимая необходимость противодействия тактике вербовки «Аль-Каиды».

Заместитель президента Дж Буша-мл. по общественной дипломатии и связям с общественностью запустил «Общественную дипломатию 2.0». Эта инициатива привела к использованию Государственным департаментом «Facebook», запуску блога ведомства и созданию группы по работе с

цифровыми данными, которой было поручено противодействовать вербовке Аль-Каиды в Интернете [12]. Многочисленные нападения на миссии США в арабских странах в 2012 г. ясно показывают, насколько легко радикальные исламисты могут вызвать враждебность мусульман к Западу. Например, с помощью провокационного фильма «Невинность мусульман» исламисты смогли легко реанимировать негативный образ Америки в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

В начале президентского срока Б.Обамы США столкнулись с широко разгневанной на Америку мировой общественностью. Действительно, непопулярная война в Ираке и противоречивая война с террором угрожали моральному авторитету Америки за границей и разделили даже союзников Америки [13]. Одной из основных целей фокуса цифровой дипломатии США на Ближнем Востоке и в Северной Африке стала реабилитация имиджа США, завоевание доверия и восстановление морального авторитета Америки, содействие реализации американских интересов на Ближнем Востоке.

Администрация Б. Обамы также продемонстрировала приверженность активизации публичной дипломатии США как центрального компонента «мягкой силы» Америки [14].

В своем выступлении в Каире в июне 2009 г. президент Б.Обама предложил новое начало между Соединенными Штатами и мусульманами всего мира, основанное на взаимном интересе и взаимном уважении. Усилия американской внешней политики в отношении стран Ближнего Востока основаны на наблюдении, что отношения Соединенных Штатов с мусульманским миром больше не могут определяться только военной призмой. В связи с этим такие программы, как цифровая дипломатия, приобретают все большее значение, поскольку Соединенные Штаты стремились возродить свою мягкую силу, то есть способность влиять на других для получения желаемых результатов за счет привлечения, а не принуждения или оплаты [15] и привлечь общественность в арабском мире.

Взаимодействие стало опорой и руководящим принципом внешней политики США, а стратегия взаимодействия стала определяться как усилия по привлечению, информированию и убеждению иностранной общественности для продвижения национальных интересов США.

После «арабской весны» 2011 г правительство США начало активно использовать Интернет и социальные сети и переходить в онлайн, чтобы лучше продвигать свою повестку и оказывать влияние через распространение своего контента на более широкую аудиторию. Поскольку люди во всем мире легко и быстро обмениваются информацией с помощью коммуникационных технологий, Государственный департамент заявил, что он должен быть впереди всех и «узнавать о революции раньше, чем о ней узнают все остальные» [16]. Доступ к технологиям и социальным сетям позволил гражданам расширить влияние на национальном и глобальном уровнях. Джудит А. Макхейл, заместитель министра по общественной дипломатии и связям с общественностью в период с 2009 по 2011 гг., прокомментировала последствия арабских революций для дипломатии США на Ближнем Востоке, использовала метафору «перевернутой пирамиды», чтобы обозначить необходимость учитывать, начиная с арабских революций, общественное мнение при формулировании американской внешней политики в отношении Ближнего Востока [17].

Например, Государственный департамент расширил деятельность американской группы по работе с цифровыми технологиями (US Digital Outreach Team - DOT) для привлечения и взаимодействия с арабскими онлайн-пользователями. Публикуя сообщения о внешней политике США, члены DOT противодействовали любым искажениям позиции США. DOT отвечал за онлайн-распространение «Каирской речи» Б.Обамы. После выступления члены DOT посетили популярные веб-сайты в арабском мире, чтобы пообщаться с арабскими и мусульманскими пользователями Интернета и продемонстрировать вновь обретенную приверженность Америки дипломатическому взаимодействию.

Деятельность DOT является примером, того как цифровые технологии используются для достижения целей публичной дипломатии. Точно так же в декабре 2011 г. Государственный департамент США запустил виртуальное посольство в Иране, веб-платформу, предназначенную для облегчения взаимодействия между американскими дипломатами и гражданами Ирана которое опирался на цифровые технологии для преодоления отсутствия двусторонних связей между США и Ираном [14].

Посредством этого развертывания коммуникаций в социальных сетях Соединенные Штаты поощряют своих дипломатов и зарубежные миссии использовать социальные сети, в частности «Twitter», в качестве регулярной части своей работы, чтобы взаимодействовать непосредственно с аудиторией, на которую они стремятся повлиять. Они производят медиа-контент, распространяют контент через социальные сети и используют медиа-логику в своей повседневной деятельности. Сайты социальных сетей как форум для непосредственного участия в этих дискуссиях позволяют дипломатам общаться онлайн с населением других стран, стимулируя торговлю, укрепляя политические связи, комментируя политику США в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

«Twitter» во время кризиса и Венесуэла занял третье место в мире по числу пользователей и публикаций. Местные цифровые СМИ, индивидуальные блогеры, а также политики, включая Х. Гуайдо и Н. Мадуро, оказывали большее влияние на аудиторию «Twitter», чем специально созданные каналы цифровой дипломатии или твиты политиков США [18].

Стратегически правительство США обращается к гражданскому обществу, понимая растущую тенденцию социальной активности в социальных сетях. Именно в этом контексте США учредили программу под названием «Общественная дипломатия 2.0», которая стремилась охватить сайты социальных сетей и другие веб-инструменты для победы в «войне идей» [19]. США наладили партнерские отношения с поставщиками

технологий социальных сетей и деятелями гражданского общества посредством мероприятий Альянса молодежных движений «Демократия есть».

Таким образом, социальные сети являются ключевыми каналами для охвата молодежи, что является основной целью текущих усилий публичной дипломатии [20]. Кроме того, США использовали смесь ближневосточных журналистов, религиозных групп, местных студентов и социальных сетей, включая «Twitter» и «Second Life», чтобы обратиться к арабской аудитории. В конце 2008 г. правительство США провело в Нью-Йорке конференцию, на которой собрались молодые активисты и пользователи Интернета, создав постоянную организацию Альянс молодежных движений, целью которой является использование активности молодых людей в сети для изменения политической ситуации. в зарубежных странах.

В 2010 г. Государственный департамент запустил программу «Пространство мнений» (также известный как Механизм коллективных открытий), интерактивный сайт, размещенный на State.gov, который направлен на стимулирование глобальных дискуссий по международным делам. Эта инициатива представляет собой технологию социальных сетей, призванную помочь сообществам генерировать и обмениваться идеями по важным вопросам и политике. Государственный департамент предлагает посетителям высказать свое мнение по ряду вопросов, от политики до экономики, и мгновенно узнать, какое место они занимают по шкале мнений по сравнению с другими людьми в мире.

Также в рамках инициативы государственного управления XXI века Государственный департамент запустил инициативу «Гражданское общество 2.0», направленную на повышение эффективности НПО и оппозиционных групп за рубежом с использованием новых цифровых технологий. В рамках этой программы реализуется несколько программ, Этот семинар привлекает и расширяет возможности этой целевой аудитории, обучая ее использованию простых в применении технологических инструментов и концепций, чтобы

сделать их более эффективными. Депутат от Партии регионов Украины Олег Царев отмечал, что на тренингах инструкторы делятся своим опытом использования интернет-технологий, которые направлены на формирование общественного мнения и усиление протестного потенциала и использовались для организации уличных протестов [21].

Все программы цифровой дипломатии нацелены в первую очередь на молодых людей, чтобы улучшить их имидж Соединенных Штатов, запятнанных войнами в Афганистане и Ираке, и конкретно продвигать ценности западной демократии. Соединенные Штаты здесь стремятся выявить будущие элиты в других странах, познакомить их с новыми американскими лидерами и таким образом создать обширную сеть влияния.

При этом молодежь и женщины являются главными действующими лицами цифровой дипломатии, в определенной степени помогая Соединенным Штатам установить связи политической и социальной элиты с Ближним Востоком. Поэтому Департамент разрабатывает несколько программ и проектов цифровой дипломатии, таких как «TechGirls» и программа наставничества под названием «TechWoman», для поддержки прав женщин и вовлечения их в деятельность по улучшению общественной среды. Интернет может сыграть решающую роль, помогая дипломатам преодолевать зачастую жесткие ограничения личных контактов, налагаемые соображениями личной безопасности во все большем числе регионов.

Государственный департамент США за последние годы предпринял несколько шагов по обновлению и модернизации многих инструментов публичной дипломатии. Также администрация США разработала и протестировала несколько новых инструментов. Цифровая дипломатия, то есть использование цифровых технологий для поддержки дипломатических целей, рассматривается как важный инструмент для продвижения внешней политики США, поскольку она обеспечивает прямое взаимодействие и взаимодействие с арабской общественностью. Прежде чем прийти к выводам об ограничениях и проблемах цифровой дипломатии США на Ближнем

Востоке и в Северной Африке, стоит продолжить размышления о потенциале новых технологий для помощи внешней политике в достижении целей и интересов США.

Хотя цифровая дипломатия обычно предлагает дипломатическим и иностранным миссиям США возможности для изучения всего потенциала социальных сетей и проведения внешней политики в том или ином регионе она не всемогуща и, по-видимому, имеет ограничения. Цифровая дипломатия способствует международно-политической проекции процесса цифровизации мировой политики, становится мощным инструментом реализации «мягкой силы», вплоть до ведения информационной войны. Ведущая роль цифровой дипломатии США как законодателя мод постепенно оспаривается геополитическими конкурентами. Однако цифровые дипломатические усилия России и Китая все еще уступает лидерству США. Перспективы применения цифровой дипломатии могут быть заключены как в усилении политической роли цифровых компаний, предоставляющих площадку для коммуникаций, так установлений барьеров для информационных потоков.

Список литературы

1. Hayden C. Social media at state: Power, practice, and conceptual limits for US public diplomacy //Global Media Journal. 2012. Т. 11. №. 20.
- 2.Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47.
- 3.Цветкова Н. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: Экономика, политика, культура. СПб., 2011. С. 109–122.
- 4.Sandre A. E-diplomacy beyond social media // Opencanada Org. 17 October, 2012 URL: <https://www.opencanada.org/features/e-diplomacy-beyond-social-media/>.
(дата обращения 19.10.2022).
- 5.Manor I. Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy?: Results from a cross-national comparison //Brill Research Perspectives in Diplomacy and Foreign Policy. 2016. Т. 1. №. 2. Pp. 1-110.
- 6.Кинаш Е. И. Цифровая дипломатия США как ресурс мобилизации молодежи в странах ЕС // Русская политология. 2019. № 3(12). С. 74-79.

7. Adesina O. S. Foreign policy in an era of digital diplomacy //Cogent Social Sciences. 2017. Vol. 3, №. 1. Pp. 1297175.
8. Hocking B., Melissen J. Diplomacy in the digital age. The Hague : Clingendael, Netherlands Institute of International Relations, 2015.
9. Manor, I. Restoring US credibility, one conversation at a time. Exploring Digital Diplomacy. DigDipblog. May 03, 2015. URL: <https://digdipblog.com/2015/05/03/restoring-us-credibility-one-conversation-at-a-time/>(дата обращения 19.10.2022).
10. Barrett B. M. United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2004. Report. 2004.
11. Manor I. Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy?: Results from a cross-national comparison //Brill Research Perspectives in Diplomacy and Foreign Policy. 2016. Vol. 1. №. 2. Pp. 1-110.
12. Крикунов А.В. Цифровая дипломатия и ее значение в международной практике // Центр анализа террористических угроз. URL: <https://www.catu.su/analytics/1089-cifrovajadiplomatiya-i-ee-znachenie-v-mezhdunarodnoj-praktike> (дата обращения 19.10.2022).
13. Lord K. M., Lynch M. America's Extended Hand //Assessing the Obama Administrations Global Engagement Strategy. Washington, DC: Center for a New American Security. 2010.
14. Manor I. The digitalization of public diplomacy. New York : Springer International Publishing, 2019.
15. Nye Jr J. S. Public diplomacy and soft power //The annals of the American academy of political and social science. 2008. Vol. 616. №. 1. Pp. 94-109.
16. Martin C., Jagla L., Firestone C. M. Integrating diplomacy and social media //Washington: Aspen Institute. 2013.
17. Hayden C. Social media at state: Power, practice, and conceptual limits for US public diplomacy //Global Media Journal. 2012. Vol. 11. №. 20.
18. Сытник А. Н., Цветкова Н.А. Цифровая дипломатия США в зеркале больших данных: уроки венесуэльского кризиса 2018-2019 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 192-203.
19. Hallams E. From crusader to exemplar: Bush, Obama and the reinvigoration of America's soft power //European journal of American studies. 2011. Vol. 6. №. 6-1.
20. Fisher A. Using social media in public diplomacy: Scanning e-diplomacy by Embassies in Washington DC. Blog by the Institute for Public Diplomacy and Global Communication. February 19. 2013. URL: <https://blogs.gwu.edu/ipdgcsmartpower/2013/02/19/the-use-of-social-media-in-public-diplomacy-scanning-e-diplomacy-by-embassies-in-washington-dc/> (дата обращения 19.10.2022).

21. Крысенко Д.С. Роль США в организации движения «Евромайдан» на Украине (ноябрь 2013 - февраль 2014 гг.) // Архонт, 2021. № 1 (22). С. 15-29

References

1. Hayden C. Social media at state: Power, practice, and conceptual limits for US public diplomacy // *Global Media Journal*. 2012. Vol. 11. No. twenty.
2. Tsvetkova N. A. The phenomenon of digital diplomacy in international relations and the methodology of its study // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. Story. International relationships*. 2020. No. 2. P. 37–47.
3. Tsvetkova N. Web 2.0 programs in US public diplomacy // *USA and Canada: Economy, politics, culture*. St. Petersburg, 2011, pp. 109–122.
4. Sandre A. E-diplomacy beyond social media // *Opencanada Org*. October 17, 2012 URL: <https://www.opencanada.org/features/e-diplomacy-beyond-social-media/>. (accessed 10/19/2022).
5. Manor I. Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy?: Results from a cross-national comparison // *Brill Research Perspectives in Diplomacy and Foreign Policy*. 2016. Vol. 1. No. 2. Pp. 1-110.
6. Kinash E. I. US Digital Diplomacy as a Resource for Youth Mobilization in EU Countries // *Russian Political Science*. 2019. No. 3(12). pp. 74-79.
7. Adesina O. S. Foreign policy in an era of digital diplomacy // *Cogent Social Sciences*. 2017 Vol. 3, no. 1. Pp. 1297175.
8. Hocking B., Melissen J. *Diplomacy in the digital age*. The Hague: Clingendael, Netherlands Institute of International Relations, 2015.
9. Manor, I. Restoring US credibility, one conversation at a time. *Exploring Digital Diplomacy*. DigDipblog. May 03, 2015. URL: <https://digdipblog.com/2015/05/03/restoring-us-credibility-one-conversation-at-a-time/> (accessed 10/19/2022).
10. Barrett B. M. *United States Advisory Commission on Public Diplomacy 2004*. Report. 2004.
11. Manor I. Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy?: Results from a cross-national comparison // *Brill Research Perspectives in Diplomacy and Foreign Policy*. 2016. Vol. 1. no. 2. Pp. 1-110.
12. Krikunov A.V. Digital diplomacy and its significance in international practice // *Center for the Analysis of Terrorist Threats*. URL: <https://www.catu.su/analytics/1089-cifrovajadiplomacija-i-ee-znachenie-v-mezhdunarodnoj-praktike> (accessed 10/19/2022).
13. Lord K. M., Lynch M. *America's Extended Hand* // *Assessing the Obama Administrations Global Engagement Strategy*. Washington, DC: Center for a New American Security. 2010.

14. Manor I. The digitalization of public diplomacy. New York: Springer International Publishing, 2019.
15. Nye Jr J. S. Public diplomacy and soft power // The annals of the American academy of political and social science. 2008 Vol. 616. no. 1. Pp. 94-109.
16. Martin C., Jagla L., Firestone C. M. Integrating diplomacy and social media // Washington: Aspen Institute. 2013.
17. Hayden C. Social media at state: Power, practice, and conceptual limits for US public diplomacy // Global Media Journal. 2012. Vol. 11. no. twenty.
18. Sytnik A. N., Tsvetkova N. A. US Digital Diplomacy in the Mirror of Big Data: Lessons from the Venezuelan Crisis of 2018-2019 // Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relationships. 2022. V. 27. No. 2. S. 192-203.
19. Hallams E. From crusader to exemplar: Bush, Obama and the reinvigoration of America's soft power // European journal of American studies. 2011 Vol. 6. no. 6-1.
20. Fisher A. Using social media in public diplomacy: Scanning e-diplomacy by Embassies in Washington DC. Blog by the Institute for Public Diplomacy and Global Communication. February 19. 2013 -in-washington-dc/ (accessed 10/19/2022).
21. Krysenko D.S. The role of the United States in organizing the Euromaidan movement in Ukraine (November 2013 - February 2014) // Archon, 2021. No. 1 (22). pp. 15-29